ГЛАВА 14. АВГУСТ I

1

– Давайте все снимемся, – немного смущенно предложил Мотидзуки. Он достал из бокового кармана рюкзака компактный фотик. – На память. Это наше последнее лето в средней школе, так что… как вам?

– Давайте я вас сниму? – предложила Миками-сэнсэй, повернувшись к Мотидзуки.

– Ээ, нет. Вы должны быть на фотографии, – помотал головой Мотидзуки с еще более смущенным видом. – Все вот здесь встаньте. Вот так. Сэнсэй, вы тоже в кадр, пожалуйста.

Подчиняясь его указаниям, мы выстроились возле ворот гостиницы по обе стороны от потемневшего каменного столбика с бронзовой табличкой «Мемориал Сакитани».

– Так, снимаю! – заявил Мотидзуки, наводя фотоаппарат. – Может, сумки лучше отложить в сторону? Сакакибара-кун, Мисаки-сан, встаньте поближе. Сэнсэй, тоже чуть поближе… Да, вот так. Всем внимание…

Раздался щелчок затвора.

«Все» – это пятеро. Мы с Мей, Миками-сэнсэй и нелепая парочка – Кадзами и Тэсигавара.

Ученики приехали сюда в летней форме – парни в белых рубашках с коротким рукавом, девчонки в белых блузках, тоже с коротким рукавом. Поскольку мы были не в школе, бейджики с именами никто не носил. Миками-сэнсэй, как и ее ученицы, надела белую блузку, но поверх нее – еще и светло-коричневый жакет.

Пение цикад лилось из леса, окружающего гостиницу со всех сторон. Правда, скрипучих голосов черной и большой коричневой цикад слышно не было. Зато до нас доносилось мягкое пение сумеречной цикады, которое в городе доводилось слышать очень редко. Я рос в Токио и потому, когда много лет назад впервые услышал это пение, принял его за птичье.

– Ладно, Мотидзуки, теперь ты давай сюда, – скомандовал Тэсигавара. – А я сниму.

– Аа, но…

– Давай, не стесняйся. Вставай рядом с Миками-сэнсэй.

– Эмм, ладно…

Мотидзуки передал фотик Тэсигаваре, потом поспешил к нам и занял его место. Тэсигавара тыльной стороной ладони вытер пот со лба, потом поднял фотик и воскликнул:

– Поехали!

Поднял руку – и тут же раздался звук затвора.

– Хммм… давайте еще разок. Эй, Мотидзуки! Ты слишком далеко от Миками-сэнсэй! Давай пододвигайся. Сакаки, ты тоже ближе к Мисаки! Кадзами, ты стой, где стоишь… Окей, вот так хорошо.

На что вообще он намекает? …Впрочем, плевать.

– Поехали! «Сыыыыр»!

«Сыр» – люди уже сто лет с помощью этого слова получают на фотографиях улыбки… впрочем, тоже плевать. Почему-то сейчас это наплевательское отношение ко всему казалось странно приятным.

Был субботний вечер 8 августа; я поддался этому чувству безразличия, и оно принесло мне в душу мир и покой…

Мы все вместе сели на рейсовый автобус, который шел на северную окраину города. Конечная остановка была недалеко от подножия горы Йомияма; мы сошли, потом еще двадцать минут топали по холмам. И все это время больше половины учеников вело себя более-менее так же…

Видимость мира и покоя.

Я знал, что все это понимают.

На самом деле в глубине души все до единого ощущали жуткую тревогу и страх. Мы понимали чувства друг друга, но без слов договорились, что не будем их выказывать.

Нельзя трепать об этом просто так. Если произнесешь вслух – предмет тревоги и страха тут же обратится в реальность. В таком вот душевном состоянии мы все находились… вполне логично для нашей ситуации. И еще…

Думаю, все прекрасно понимали, что эта «видимость мира и покоя» долго не продлится. Никак.

2

«Мемориал Сакитани» располагался в лесу у подножия горы. Это было здание в европейском стиле, от которого слегка веяло классикой – вопреки смутным ожиданиям, которые у меня были до поездки.

Как-его-там Сакитани был выпускником Северного Ёми и местной знаменитостью. Изначально он построил это здание для нужд своей компании, а потом, несколько десятилетий назад, подарил его школе. Гостиницу назвали в его честь – отсюда «Мемориал Сакитани».

«Честно говоря, школа не может решить, что делать с этим зданием, – походя сказал мне Тибики-сан, когда делился какой-то другой информацией. – На его ремонт и поддержание уходят колоссальные деньги, а пользуются им с каждым годом все меньше. И тем не менее продать его не могут».

Сперва участвовать в лагере согласилось очень мало народу. Вполне объяснимо, на мой взгляд.

Да, Миками-сэнсэй сказала, что это «важный ритуал», но какой-то конкретной цели озвучено не было – естественно, большинство не пожелало тратить время. Даже если вариант «уехать из города» недоступен, запереться в доме и не высовываться, конечно же, гораздо безопаснее, чем разъезжать по летним лагерям. Такого мнения придерживались очень многие.

Но в конце прошлого месяца хикикомори Ацуси Огура взял и умер прямо у себя дома.

Получается, вариант «запереться в доме и не высовываться» тоже не гарантирует безопасность. Поняв это, некоторые решили: «Ну, если так…» – в общем, передумали. Плюс,

судя по всему, разошелся слух, что, если мы отправимся в этот лагерь, то все спасемся. В результате, уже когда срок подачи подписанных разрешений прошел, начали появляться люди, говорящие: «Я все-таки хочу поехать…»

Вместе с теми, кто явился в последний момент, нас набралось четырнадцать человек. Девять парней и пять девчонок. В общем, пятьдесят процентов класса. Пятнадцать человек, включая нашу наставницу Миками-сэнсэй, проведут в «Мемориале Сакитани» три дня и две ночи.

Мы собрались у ворот школы. Миками-сэнсэй нас проинформировала: «На Йомияму пойдем завтра. Посетим храм на горе и там будем молиться за спасение класса».

Реакция учеников была разная; я не услышал особой убежденности в голосе самой Миками-сэнсэй. И не только я. Кажется, по крайней мере Тэсигавара и Мотидзуки думали так же. Возможно, и Мей тоже.

Лагерь должен будет проходить по тому же расписанию, что и пятнадцать лет назад. 9 августа они пошли в храм, чтобы там помолиться… но исход того дня мне был хорошо известен. И, сдается мне, Миками-сэнсэй тоже знала – что двое учеников погибли от несчастных случаев на обратном пути.

Поэтому наверняка она сама действовала без особого энтузиазма. И тем не менее, пусть это была лишь соломинка, Миками-сэнсэй приняла решение: если существует хоть малейший шанс… Да, скорей всего, так она и рассуждала.

«Мемориал Сакитани» обслуживали два человека – супружеская чета по фамилии Нумата. На вид им было лет по шестьдесят.

Нумата-сан был тощим и низкорослым мужчиной. Темный лысеющий лоб испещрили глубокие морщины, запавшие узкие глаза смотрели сварливо. Он был ровно таким же молчаливым и неприветливым, каким казался. Его жена, напротив, была очень полной, бойкой и без перерыва трещала. Когда мы к ней подошли, ее приветствие прозвучало настолько грандиозно, что даже прямо неудобно.

Интересно, они были здесь или нет во время лагеря пятнадцатилетней давности?

Эта мысль возникла во мне из ниоткуда, но я решил, что сейчас не самое подходящее время для подобных вопросов.

Двухэтажное здание было в европейском стиле; деревянное, беленное известкой. Грубо говоря, оно имело U-образную форму и было обращено поперечиной на север, к горе, а концами на юг.

Изначально оно служило местом отдыха сотрудников компании, и с тех пор его продолжали использовать в подобном качестве. Кроме просторных холла и столовой, здесь было приличное количество комнат, в основном двухместных. Несмотря на довольно заброшенный вид здания, внутри все вполне смахивало на нормальную гостиницу. Туалеты и душевые были общими, но в каждой комнате имелся отдельный кондиционер.

Комнат вполне хватило бы, чтобы каждый жил отдельно, но Миками-сэнсэй велела нам заселиться по двое. Скорей всего, она так решила из соображений безопасности.

В итоге.

Я поселился вместе с Юей Мотидзуки.

3

– Ты взял кассету? – спросил я у Мотидзуки, когда мы вошли в комнату, скинули сумки и чуток расслабились. Его лицо тут же застыло, и он деревянно кивнул.

– Да. И плеер. У меня дома только большой маг, но Томока-сан мне одолжила свой.

– Ты ей рассказал, зачем он тебе?

– Я не стал объяснять, что именно на кассете. Она спрашивала, но я был не в настроении рассказывать.

– А.

Я лег на кровать, сложив руки под затылком, и вспомнил, как четыре дня назад, 4 августа, мы с Тэсигаварой днем зашли к Мотидзуки.

Накануне вечером Мотидзуки позвонил и сказал, что склеил пленку. На следующий день мы собрались, чтобы ее послушать.

Вспомнив свое обещание, я попробовал связаться с Мей по тому номеру, который она мне дала, но, сколько я ни звонил, она не брала трубку. Позже она сказала, что в тот день была на даче у моря, и там было отвратительное качество сигнала.

Поэтому кассету мы слушали на стереомагнитофоне в комнате Мотидзуки втроем.

Фонило просто безумно; качество записи никак нельзя было назвать суперским. Задирать громкость нам не хотелось, так что мы, чуть ли не вжавшись ушами в динамики, сосредоточили все внимание на идущем оттуда голосе…

«Эмм, меня зовут… Кацуми Мацунага».

Голос на кассете начал с того, что представился, после чего рассказал про восхождение на Йомияму во время летнего лагеря пятнадцать лет назад и про два несчастных случая на обратном пути. Потом повисла долгая пауза, и наконец он продолжил:

«…А потом. Потом произошло самое главное.

Сразу после того, как мы спустились с горы.

Дело в том, что… что я…»

И дальше он – Кацуми Мацунага пятнадцатилетней давности – изложил нам свое «признание в преступлении», которое он совершил, а заодно «предостережение» и «совет» для нас, будущих кохаев.

«Мы спустились с горы и отправились в гостиницу за помощью… Все были на пределе, и из-за этого – не буду врать – случилась потасовка».

Так продолжил свой рассказ Мацунага.

«Честно говоря, не помню, что конкретно послужило причиной. Я был весь на нервах, как и все… и поэтому совершенно не помню, что могло вызвать такое.

В общем, так.

Мы были рядом с гостиницей, в лесу. Я и еще один парень – мы орали друг на друга, а потом стали драться.

Задним умом понимаю, что всегда терпеть не мог этого типа. Не знаю, из-за чего. Наверно, он был слишком спокойный ко всему. И это постоянно действовало мне на нервы, пока я наконец не сорвался… В общем, он был такой.

Двое наших умерли, такая жуть произошла с ними в тот день, а он весь такой спокойный, как всегда – как будто его это не колышет; думаю, это меня и взбесило… Кажется, я первый его схватил, ну а потом мы стали драться.

Его звали…»

Мацунага назвал имя «одного парня» / «этого типа». По-моему. Но именно в этот момент шум стал намного хуже, и я вовсе ничего не смог разобрать. И дальше было то же самое: всякий раз, когда он называл «этого типа» по имени, оно тонуло в помехах. Мы так и не смогли разобрать, как его звали.

И сейчас, когда я пишу на бумаге то, что Мацунага сказал диктофону, все, что я могу, – везде заменить имя того парня на «[redacted]».

«Короче, мы дрались… А когда я пришел в себя, он не шевелился».

Голос Мацунаги звучал тише, чем раньше. И он как будто дрожал, хотя, возможно, мне это только показалось.

«Мы дрались, и, кажется, я его толкнул со всей силы, но… просто не помню, что там на самом деле было.

Он не шевелился.

Он упал возле громадного дерева. Я на него орал, но он не отвечал. Когда я подошел, то увидел – ему сук воткнулся в затылок, и все было в крови.

Когда я его толкнул, он стукнулся о дерево, и там, наверно, как раз рос этот сук, и он на него напоролся головой… Так я решил. Ничего другого мне просто в голову не приходило.

[redacted] умер.

Я пытался найти его пульс. Я даже прижимался ухом к груди, чтобы поймать удары сердца… Но он был совсем мертвый. Я… я убил его.

Вот тогда я реально испугался и побежал в свой номер в гостинице.

Я убил [redacted]… и никому не мог рассказать. Не буду врать и честно сознаюсь: я тогда думал, что если его кто-нибудь найдет, то примет тоже за несчастный случай.

Дождь продолжал лить до самого вечера, и поэтому мы остались там еще на одну ночь. Хотя за некоторыми приехали предки и забрали их по домам. Полиция тоже приезжала и задавала всякие вопросы… Но даже тогда я ничего не рассказал про то, что вышло с [redacted]. Просто не мог.

Ночью я почти не спал. Я не мог выкинуть из головы мысль, что вот сейчас кто-нибудь найдет

тело ■ ■, и тут все взорвется…

И все же…

Уже настало утро, а его вроде так никто и не нашел.

Хотя кто-то должен был понять, что одного ученика не хватает… что нас меньше. Но учитель ничего не говорил, ребята тоже. Как будто они все не замечали… как будто им было наплевать…

И тогда я задавил в себе страх и втихаря выбрался наружу, чтобы на него посмотреть. Пошел в лес, туда, где должно быть тело ■ ■. Но когда я туда добрался…»

Вновь голос на кассете надолго замолчал. Мы различили тонущий в помехах тихий вздох.

«Когда я туда добрался… его там не было. Его тела там не было. Он просто исчез, вообще без следа. Даже крови не было. Может, ее дождем смыло.

Я был в полном шоке и ничего не понимал. Я не смог удержаться – стал ходить и спрашивать о нем. Говорил всякое вроде: «Интересно, что случилось с ■ ■»; «Интересно, где он»; «Как думаешь, он уже ушел домой?»

Когда я это говорил, все на меня как-то странно смотрели. Учитель, ребята – все. «■ ■? Кто это?» Так они мне отвечали. «Никогда о таком не слышал».

Это был просто бред какой-то; я проверил, и они мне сказали, что в поездке с самого начала участвовало девятнадцать учеников. А не двадцать. В общем, по сути они все говорили, что никого по имени ■ ■ никогда не существовало.

Я на полном серьезе думал, что свихнусь. Но потом до меня дошло.

Этот тип, которого я убил, – это был «лишний»».

Запись на стороне А резко оборвалась.

Мы трое разом ахнули, не в силах произнести ни слова. Мотидзуки перемотал пленку на конец и включил сторону В.

«…Это моя исповедь, признание в преступлении, – снова повторил Кацуми Мацунага из прошлого. – А заодно совет вам, мои будущие кохаи».

Мы трое изо всех сил вслушивались в голос из динамиков, пробивающийся сквозь постоянные помехи.

«Я знаю, что в тот день из-за меня ■ ■ умер… я его убил. Это не изменилось. Потому-то я и решил записать эту «исповедь». Может, это хоть немного успокоит мою совесть…

Но забавно – то, что я сделал, было и «спасением» в определенном смысле. Спасение… вы понимаете, что я имею в виду? «Спасение» для всего нашего класса.

Вышло чисто случайно, но то, что я убил ■ ■… это спасло всех. Когда «лишний» в нашем классе умер, «катастрофы» этого года прекратились. Прошло всего десять дней, но я абсолютно уверен, что это так. Доказательство –

Никто не помнит, кто такой ■■.

Это началось на следующий же день после того, как я его убил. Ни учителя, ни ребята, ни его родители… Ни один человек из тех, кто имеет отношение к нашему классу, не помнит, что был у нас такой парень ■■ с апреля месяца. Они его забыли. Ну или, можно сказать, их память починилась.

Когда «мертвый», которого не должно было быть вообще, вернулся в мир мертвых, все цифры сложились как надо… и вернулся порядок. Все изменения отменились, начиная с воспоминаний всех вовлеченных. Думаю, так это следует понимать.

Лично я имел настолько сильное отношение к смерти ■■, что продолжаю его помнить – единственный из всех. Но, думаю, это вопрос времени.

Для истории: этот ■■ был младшим братом парня по имени ■■, который учился в классе три-три два года назад, в 1981. И он в том году умер из-за «катастрофы». И у всех, кроме меня, память уже вернулась к этой истине.

Думаю, я скоро тоже начну забывать про ■■.

Даже если я сохраню в памяти, что некий неизвестный «лишний» пролез к нам в класс в апреле и что после этого каждый месяц кто-то из наших умирал… Наверняка все остальное – и то, что «лишним» был ■■, и то, что это я его убил, и то, что «катастрофы» из-за этого и прекратились, – все это рано или поздно забудется.

…Вот почему.

Вот почему я решил оставить эту запись. И я решил спрятать ее где-нибудь в классе, потому что рано или поздно я забуду даже смысл этой записи…

…Вот почему.

Я записываю то, что было, пока еще помню это четко… Я хочу сообщить факты вам, моим будущим кохаям, которые, возможно, страдают от того же, от чего и мы. И теперь совет вам, как остановить «катастрофы»…

Да? Вы ведь уже поняли, да? Вы знаете, что я вам хочу сказать?»

Под конец в голосе Мацунаги появился особенный нажим.

«Верните «мертвого» в мир мертвых. Тогда к вашему классу вернется покой.

Вы поняли?

Верните «мертвого» в мир мертвых. Вы должны убить «лишнего», как я убил. Только так вы сможете остановить «катастрофы», если они уже начались».

4

– Ты все рассказал Мисаки-сан про кассету? – спросил Мотидзуки.

– Почти все, – ответил я, лежа на кровати. – Мы встретились позавчера и поговорили на этот счет. Она сказала, что хочет сама послушать. Поэтому я тебя и попросил взять сегодня кассету и плеер.

– …Да, ты уже говорил.

Мотидзуки сел на край второй кровати и подпер щеки руками. Кондиционер в комнате был выключен, но окно широко распахнуто. Мы его открыли, потому что воздух снаружи нес в себе прохладу, совершенно не такую, как в городе. И еще меньше этот воздух был похож на токийский.

– А еще кому-нибудь? – спросил Мотидзуки.

– Что?

– Еще кому-нибудь говорил про кассету?

– А… ага. Кое-что рассказал Рейко-сан, – рассеянно ответил я.

– Рейко… аа, – Мотидзуки убрал одну руку от щеки и кивнул. – Ты ей все рассказал?

– Нет, только проверил факты, – я медленно сел. – Раз уж она тоже была в том лагере пятнадцать лет назад. Я хотел убедиться, что они правда поднимались в храм на второй день и что два ученика погибли от несчастных случаев на обратном пути.

– …И?

– Она помнит все очень туманно, но сказала, что часть про двоих учеников, которые умерли на обратном пути, вроде правильная. И, по-моему, когда я ей напомнил, она была в таком же шоке, как тогда…

«Что мне делать? – с болью в голосе бормотала она. – Что я могу сделать?»

Глядя на эту ее реакцию, я…

– Ты ни о чем другом с ней не говорил?

– Я спросил, был ли у нее в классе такой Мацунага-сан. Она сказала «кажется, был». Но когда я спросил, помнит ли она, что еще один ученик пропал, кроме тех двух, которые умерли, она ответила, что не знает.

– Как и говорил тот парень на кассете.

– …Ага.

– И больше она ничего не сказала?

– Больше ничего.

Мне просто не хватило силы воли на то, чтобы рассказать ей всю историю – что единственный способ остановить «катастрофы», когда они уже начались, – это найти «лишнего» / «мертвого» и вернуть его в мир мертвых – то есть убить.

– И больше ты никому не рассказывал?

– Никому.

– И я тоже. Думаю, и Тэсигавара-кун.

– Смысла нет кому-то рассказывать. Только панику создавать.

– Вот именно.

Если рассуждать здраво – в первую очередь бояться нам следовало жуткой, всеобъемлющей паранойи.

Если «лишнего» / «мертвого» убить, «катастрофы» прекратятся.

Что будет, если весь класс об этом узнает?

Ответ найти нетрудно: все будут отчаянно искать «лишнего». Несмотря на то, что вычислить его невозможно. И если они просто решат без каких-то конкретных доказательств, что вот этот человек и есть «лишний»…

Я всего лишь вообразил, что будет, а у меня уже мурашки по спине побежали.

Жуткое предчувствие меня охватило.

Вот почему мы решили оставить эту информацию при себе, по крайней мере пока. Правда, я предупредил, что в виде исключения расскажу Мей.

– Слушай, Сакакибара-кун, – произнес Мотидзуки; его взгляд бегал, не находя, на чем остановиться. – Как ты думаешь, он здесь, с нами? В смысле, «лишний».

– …Без понятия.

– Эта мысль просто не идет из головы. Когда я думаю, что «лишний» может быть прямо здесь, я…

– У всех так же, – ответил я и глубоко вздохнул. – Нет смысла говорить себе не думать об этом. Даже Тэсигавара так же думает. Я видел, как он сегодня косился на всех подряд. Небось надеется, что как-то сможет вычислить «лишнего»…

– Его действительно никак нельзя вычислить?

– Похоже, у того Мацунаги пятнадцать лет назад вышло чисто случайно.

– …Но неужели правда никак?

– Насколько я слышал.

Я пододвинулся к краю кровати, поближе к Мотидзуки. Пацан с ангельским личиком, любитель Мунка и женщин старше себя, сник и уперся взглядом в пол.

– Но допустим, найдется способ… и ты узнаешь, кто «лишний». Что тогда будешь делать?

– В смысле…

– Ты убьешь этого человека? – спросил я (наполовину себя самого). – Сможешь?

Мотидзуки ничего не ответил. Он поднял было глаза, но тут же опустил обратно. И издал протяжный, унылый вздох. Я тоже вздохнул и лег на кровать.

«Ты убьешь этого человека? Сможешь?»

Я повторил этот вопрос, но уже про себя.

Кто убьет этого человека? И как?

– Думаешь, мы завтра на самом деле пойдем на гору? – спросил Мотидзуки, выглянув в окно.

– Вряд ли планы поменяются, – ответил я.

– Но мы знаем, что ходить в храм бесполезно…

– Да уж.

– Но если погода испортится, это же отменят, правда? Надеюсь, что отменят. Если польет так же сильно, как пятнадцать лет назад, я даже не…

– Это точно… не хочешь повесить на окошко амулетик, чтобы призвать дождь?

И тут зазвонил мой мобильник. Я сразу понял, что это мой, – по мелодии.

Я спрыгнул с кровати и принялся рыться в сумке в поисках телефона, наконец нашел и сразу глянул на ЖК-дисплей.

– Это Мисаки, – сообщил я Мотидзуки и только потом ответил на звонок. Похоже, уровень сигнала был паршивый – ее голос с трудом пробивался сквозь помехи.

«Сакакибара-кун? – наконец разобрал я. – Где ты сейчас?»

– У себя в комнате, вместе с Мотидзуки.

«Где ваша комната?»

– На втором этаже, от входа налево, в самом конце. Номер, эээ…

– Двести два, – шепотом подсказал Мотидзуки.

– Двести два.

«Можно я подойду? – попросила Мей. – До ужина еще есть время».

5

Не дожидаясь прихода Мей, Мотидзуки заявил: «Пойду осмотрюсь», – и вышел из комнаты. Должно быть, решил проявить тактичность.

Едва открыв дверь, Мей сразу же объяснила, зачем пришла:

– Хочу послушать ту запись.

Я быстро подчинился. Кассета и плеер лежали на столике возле окна. Мотидзуки достал их из сумки специально для нас.

Засовывая кассету в плеер и нажимая кнопку «Воспроизведение»…

…я вспоминал свой позавчерашний разговор с Мей.

То утро началось с того, что бабушка объявила: «Я нашла фотографии Рицко».

Я попросил бабушку их поискать сразу после телефонного разговора с отцом. И вот наконец.

– Где они были? – спросил я, и она ответила:

– В заднем домике, в шкафчике.

Имелся в виду домик, где жила и работала Рейко-сан. Что вообще там делали вещи, пятнадцать лет назад принадлежавшие маме?

– Раньше Рицко жила как раз там, – объяснила бабушка. – Когда она вышла за Ёске-сана и переехала в Токио, мы перенесли бОльшую часть ее вещей сюда, в основной дом, но… Когда я туда зашла и поискала, то нашла эту коробочку в глубине шкафчика на самой верхней полке. Вот, держи.

Она протянула старую плоскую коробочку. В углу грязно-розовой крышки я разобрал написанное по-английски имя: «Ritsuko».

– Там фотографий много. Уверена, какую-нибудь из них она в третьем классе сделала.

Я, как и обещал, тут же позвонил Мей на мобильник. Она уже вернулась с дачи, и звонок прошел без проблем.

«Можно я подойду?»

Да. Тогда она произнесла ту же самую фразу. И во второй половине дня приехала в Коикэ.

К себе домой я пригласил Мей впервые. Когда я ее представил бабушке, та сперва здорово удивилась, но тут же переключилась в режим гостеприимства и стала предлагать Мей сок, печенье, мороженое, и т.д. и т.п… Спасибо, ба.

В маминой коробочке лежало всего четыре фотки. Одна из них, как и предположила бабушка, оказалась той самой групповой фотографией, которую мы искали…

---

16 марта 1973 г.

Наш класс 3-3

Вот что было написано карандашом на обороте.

16 марта. Видимо, день выпускной церемонии.

Фотография была 13х18 см, цветная, но вся выцветшая. Если здесь был весь класс, стало быть, они снимали с автоспуском.

Ребята собрались в классе перед доской. Те, что в первом ряду, подались немного вперед, упершись руками в колени; во втором ряду стояли прямо; в третьем тоже прямо, но

поднявшись на учительское возвышение. В самом центре второго ряда стоял классный руководитель – молодой Тибики-сан. Его руки были скрещены на груди, губы сжаты; лишь глаза и щеки улыбались.

Я тут же нашел пятнадцатилетнюю Рицко – сзади и наискосок от него. На ней была та же форма, что и в фотоальбоме, который я смотрел в дополнительной библиотеке. Она улыбалась, но в лице ее виднелось еле уловимое напряжение.

– Это… – прошептала Мей, вглядываясь в фотку, которую взяла у меня из рук. – А ты можешь сказать, Сакакибара-кун? Который из них Мисаки Ёмияма?

– Ага… – я глянул на фотографию сбоку. – Думаю, вон тот, справа.

На самом краю учительского возвышения чуть в стороне от остальных стоял парень. Он улыбался, как все, но в его улыбке было что-то печальное. Стоял он понурившись, руки свисали плетьми. Может, мне казалось, но впечатление было, будто он не столько «стоит», сколько «плывет» или «парит»…

– …Ну, в смысле, он чисто на вид какой-то не такой, скажи?

– Ты так думаешь? – голос Мей дрожал и вообще был какой-то хриплый. – Тебе он кажется странным?

– …Ага.

– А в чем именно?

– Так вот сразу я не…

Я замолчал, потом принялся сбивчиво объяснять, что чувствовал.

– Как бы тебе сказать? По сравнению с другими частями фотки там, где он стоит, как-то… не знаю… как будто он чуть-чуть не в фокусе, или легкое марево вокруг него, или еще что-то. Как-то так.

– А. А цвет?

– Что цвет?

– Цвет тебе не кажется странным?

– Да не особо…

Чем дольше я смотрел на фотку, тем более пугающей она мне казалась. Вот интересно, если бы я объяснил отцу, что происходит, а потом показал ему эту штуку со словами «вот смотри, самая настоящая паранормальная фотка», как бы он это воспринял? Скорей всего, засмеялся бы и сказал «Не говори глупости»… И все-таки.

Пусть это нелепо и антинаучно, но оно настоящее. Потому-то мы оба сейчас и…

– Спасибо, – сказала Мей, возвращая мне фотографию. Я не видел, когда она успела, но повязки на левом глазу у нее не было.

Передо мной был «глаз куклы» – пустой синий глаз. Потом Мей тихо вздохнула, и глаз снова

скрыла повязка.

– А на других фотографиях тоже твоя мама?

– А, ага.

Я просмотрел остальные три фотки по очереди, держа их перед собой. Теперь уже Мей глядела на них сбоку.

На одной фотографии мама была с моими бабушкой и дедушкой. Кажется, они стояли перед воротами нашего дома. Судя по всему, снимок был тоже из среднешкольных времен.

На следующей мама была одна на детской площадке по соседству. Она восседала на решетчатой конструкции для лазания и показывала знак мира. Тут она явно была еще в начальной школе.

На последней фотке были запечатлены две сестры где-то в доме. Надпись на обороте гласила: «Рицко, 20 лет. С Рейко». Разница в возрасте между сестрами составляла одиннадцать лет, значит, Рейко-сан на этой фотографии было около девяти.

– …Хм, – тихо прошептала Мей. – Понятно.

– Что понятно?

– Они похожи.

– М?

– Твоя мама и… ээ, тетя.

– А… думаешь?

– На этой фотографии, где они вдвоем, это не очень видно, но если сравнить их лица, когда они были маленькими, – ну, на втором и на третьем снимках, – они же почти один в один.

Мей была права. Я то же самое почувствовал, когда в первый раз увидел маму в фотоальбоме. Если сделать поправку на разницу в возрасте, девушки действительно очень похожи.

Ну, в смысле, они же все-таки родные сестры, так что эта мысль вовсе не такая уж потрясающая. Так я мысленно говорил самому себе, но Мей я сказал всего лишь: «Ну, может, и так», – и склонил голову набок. Мей, кажется, взглянула на меня чуть раздраженно.

– Твоей тети Рейко сейчас нет? – сухим тоном спросила она, и ее правый глаз чуть прищурился.

– Кажется, вышла куда-то, – ответил я.

– Ты говорил, она в заднем домике работает?

– Она называет его своей художественной мастерской. Но я туда ни разу не заглядывал.

– Значит, она дома рисует что-то?

– Ага. Она училась рисовать маслом в школе живописи; я слышал, даже вроде призы какие-то получала… Она говорит, это и есть ее настоящая работа.

– Хм. …Понятно.

…

…

Дослушав «исповедь» Кацуми Мацунаги, Мей вздохнула даже еще глубже и протяжнее, чем Мотидзуки до того. Вернувшись из воспоминаний в настоящее, я нажал на «стоп».

– Вернуть «мертвого» в мир мертвых… – придушенно прошептала Мей. Она как будто произносила какое-то жуткое заклинание. Лицо ее было до предела напряженным и до предела бледным.

– Везде, где он произносит имя «лишнего», оно начисто замазано помехами, да? – спросил я, чисто чтоб лишний раз убедиться; Мей молча кивнула. – Неужели искажения в записях даже такие большие бывают?

– …Наверное.

– Если такое даже с пленкой происходит, то… – и я выложил сомнение, которое грызло меня уже какое-то время. – Почему имена «лишних» за прошлые годы не исчезают из папки Тибики-сана? Ну, или они расплываться должны, или еще что-то?

– Не знаю, – Мей склонила голову набок и, помолчав, продолжила: – Может, записи Тибики-сана оказываются пропущены чисто случайно.

– Пропущены?

– Или, может быть, они исключение.

– Тоже чисто случайно?

– Я тоже плохо понимаю, но, может быть, это из-за положения Тибики-сана как «наблюдателя», или дело во времени, когда он вносит эти записи, или в расположении дополнительной библиотеки… В общем, много факторов вместе могут приводить к такой аномалии. Или же аномальна эта пленка.

– Это как?

– Ну смотри, эта запись – с единственного года, когда все прекратилось на полпути. Может, когда «мертвый» возвращается в мир мертвых, это настолько исключительно, что даже на такие штуки влияет по-особому.

– Нуу…

– Так или иначе, раз уж перед нами «сверхъестественное естественное явление», все, что мы можем, – принять его как есть…

– …

После этих слов в комнате повисло неуютное молчание.

Мей смотрела на безмолвный плеер, не произнося ни слова. Потом открыла рот, вроде собравшись что-то сказать, но так в итоге и не сказала.

Интересно, что не так. Она обычно другая…

– Можно спросить кое-что? – наконец решился я. – Не про кассету, просто давно хочу кое-что узнать.

– …Да?

– Насчет твоей двоюродной сестры Мисаки Фудзиоки-сан.

Я попытался сменить тему чисто импульсивно. Однако Мей лишь повторила «да?» и взглянула на меня рассеянно. Я смело продолжил:

– Я уже не помню, когда это было, но помнишь тот рисунок у тебя в альбоме? Ну, ту девочку, которой ты собиралась в конце пририсовать крылья…

– …

– Ты тогда еще сказала, что наполовину рисуешь из воображения, наполовину с кого-то, вот… это с нее, с Мисаки-сан?

После микроскопической паузы Мей ответила:

– Ну да.

– Вы с ней очень дружили?

– …Ну да.

– Скажи, а почему она –

Я собрался было зарядить следующий вопрос, но Мей меня перебила, медленно качая головой:

– Потом. Я… – она прижала ладонь к повязке, закрывающей левый глаз. – Я тебе потом все расскажу. Дай мне еще немного подумать. Пожалуйста…

Ровно в этот момент вернулся Мотидзуки. Открыв дверь и увидев нас, он нарочито кашлянул и сказал:

– Кажется, скоро будем ужинать. Нас всех собирают в столовой. Да, и еще: приехал этот библиотекарь, Тибики-сан. Сказал, что будет помогать Миками-сэнсэй.

6

Время шло к семи…

Словно в ответ на пожелание Мотидзуки, пошел дождь. Он был несильный, но, поскольку еще и ветер поднялся, капли непрерывно били по стеклам.

Столовая располагалась на первом этаже, справа от входа – в северо-восточной части здания, если вы предпочитаете ориентироваться по сторонам света. Просторный зал занимал весь угол дома. Там стояло десять прямоугольных столов с белыми скатертями, вокруг каждого – четыре стула. И уже кое-какая еда была выставлена.

– Сначала объявление… – произнесла Миками-сэнсэй, обводя взглядом четырнадцать

учеников. – Сюда приехал Тибики-сэнсэй, чтобы оказать нам помощь. Как вы знаете, он работает библиотекарем в дополнительной библиотеке. Давайте быстренько познакомимся. Сэнсэй, прошу…

Тибики-сан встал. Несмотря на самый разгар лета, он по-прежнему был во всем черном, и волосы его оставались такими же растрепанными, как обычно.

– Моя фамилия Тибики, – он оглядел по очереди всех собравшихся и провел пальцем по черной оправе своих очков. – Я подумал, что Миками-сэнсэй, организуя эту поездку в одиночку, может столкнуться с множеством трудностей, и решил к вам присоединиться. Прошу прощения за вторжение.

По сравнению с тем, как он обращался со мной и с Мей в библиотеке, сейчас его речь звучала напряженно, и вообще он явно старался произвести наилучшее впечатление. Подозреваю, это потому, что он давно уже перестал преподавать обществоведение и впервые за долгое время так вот официально обращался к большой группе учеников. В любом случае –

– Также я осведомлен о необычных обстоятельствах, в которых в этом году оказался класс три-три.

Внезапно Тибики-сан прикоснулся к центральной теме. Голос его звучал более сурово и отстраненно, чем это было необходимо, – возможно, из-за попыток скрыть собственное напряжение и тревогу.

Атмосфера в столовой вмиг заледенела.

– Согласно плану, завтра мы пойдем вверх по склону Йомиямы, и, естественно, я пойду с вами. Я намерен приложить максимум усилий и сделать все от меня зависящее, чтобы все прошло хорошо. Мы должны быть осторожны, чтобы на обратном пути избежать несчастных случаев. Однако… – Тибики-сан покосился на окно, потом перевел взгляд на Миками-сэнсэй, которая была за тем же столом, что и он. – Погода несколько ухудшилась. Если дождь продолжится и завтра, поход будет отменен, верно, Миками-сэнсэй?

– А. Ну да, – Миками-сэнсэй неуклюже кивнула. – Завтра поглядим, какая будет ситуация…

– Хорошо, – и Тибики-сан вновь повернулся к нам. – Я надеялся, что мы сможем устроить снаружи барбекю в духе летнего лагеря, но… – теперь его голос звучал куда обыденнее, чем раньше. И куда мягче. – При нынешних обстоятельствах вряд ли это удастся. По крайней мере сегодня вечером желательно не предпринимать никаких активных действий, насколько это возможно. Будем считать, что дождь – знак свыше, что небеса поддерживают это предложение. В любом случае, я рад быть сейчас с вами. Если вы почувствуете себя плохо или захотите что-либо обсудить, пожалуйста, не стесняйтесь обращаться ко мне.

Какое-то время после этой речи атмосфера продолжала оставаться чертовски неуютной, почти удушающей.

Непрерывный стук дождя по стеклам. Голоса, время от времени доносящиеся от столов, но слишком тихие, чтобы их можно было разобрать. Все это сливалось вместе в сплошной беспокойный шум.

Лишь когда хозяйка начала разносить еду, атмосфера начала потихоньку успокаиваться.

– Может, стоит все-таки рассказать Тибики-сану про кассету, – прошептал я Мей.

– Думаю, нужно, – ответила она, кинув взгляд на Мотидзуки и Тэсигавару, сидящих с нами за одним столом. Мотидзуки, ничего не отвечая, склонил голову набок, но Тэсигавара поджал губы и покачал головой.

– Что, ты против? – спросил я его.

– Не скажу, что я совсем против, но… – Тэсигавара вновь угрюмо поджал губы, потом продолжил: – Конечно, мы не сможем молчать об этом вечно. И, ну не знаю, может, конечно, перетереть с этим типом и посмотреть, что он скажет, – это вариант. Но…

– Неужели ты не хочешь узнать, что он думает по этому поводу? Как ни крути, а Тибики-сан очень долго наблюдал за этим «феноменом»…

– Это, конечно, да…

– Ну так давай расскажем.

– …Ладно.

– Тогда мы с Мисаки найдем подходящий момент после ужина и ему расскажем.

– …Ладно, ладно.

Лицо Тэсигавары оставалось унылым, но все же он с неохотой кивнул.

– Ну вот, ребята, все готово, – сообщил нам жизнерадостный голос хозяйки, и мы принялись за еду. У меня не сложилось впечатления, что тут кто-то еще работал, кроме Нуматы-сана и его жены, так что, видимо, готовил Нумата-сан.

– Тибики-сэнсэй привез нам очень хорошее мясо. Раз уж он так для нас расстарался, мы решили приготовить его на шампурах, как барбекю. Так что кушайте на здоровье. И если захотите добавку риса, говорите, не стесняйтесь. Вы же еще растете.

Однако даже с таким подбадриванием…

Ни обстоятельства, ни обстановка не способствовали хорошему аппетиту. У меня, да и у всех. Я знал, что голоден, и еда выглядела довольно вкусно, но я просто не ощущал желания как следует приналечь.

Я подумал: интересно, знают ли что-нибудь Нуматы о цели нашей поездки? Плюс еще один вопрос: были ли они здесь во время летнего лагеря пятнадцатилетней давности? И мои шарики снова завертелись…

Лениво следя глазами за возвращающейся в кухню хозяйкой, я увидел ее мужа Нумату-сана, который стоял за дверью и заглядывал в зал. Они обменялись фразами, и хозяйка прошла внутрь; но лицо ее мужа оставалось воплощением неприветливости. Внезапно огонь в его впалых глазах показался мне каким-то пугающим.

– Этот старикан чертовски подозрительный, – заметил Тэсигавара, остановив шампур с мясом на полпути ко рту. – Как мы сюда пришли, он все время на нас сердито пялится, заметил?

– Ага… вроде да.

– Может, он ненавидит мальчиков. А хозяйка, может, такая дружелюбная, потому что его

прикрывает.

– С чего бы ему ненавидеть мальчиков?

– А я почем знаю? – резко ответил Тэсигавара. – Люди вечно чешут языком о подростковой преступности, но среди стариканов тоже есть куча опасных типов. Зуб даю, есть уйма стариков, которые в один прекрасный день съезжают с нарезки и убивают собственных внуков или еще какую-нибудь хрень делают.

– Ээ… ну может быть, да.

– Лучше за ним приглядывать, – прошипел Тэсигавара, уж не знаю, насколько серьезно, и положил шампур обратно на тарелку. – Кто их знает, может, они нам тухлое мясо подсунули. Или заправили его снотворным, а когда мы уснем, придут и по одному нас нашинкуют.

– Ты что, смеешься?

Я уж собрался было сказать ему, что он пересмотрел второсортных ужастиков, но… внезапно мой внутренний голос скептически заметил: «Чья бы корова мычала».

– Кстати, Сакаки, – снова начал Тэсигавара после нескольких секунд молчания. – Я тут все время думаю: что если «лишний» увязался с нами? Если так, то кто он?

– Да, по тебе видно, что ты все время об этом думаешь, – ответил я, сев чуть прямее. – И как? Есть идеи?

– Ну… – и Тэсигавара увял. Его выражение лица стало, хоть и ненамного, но еще более унылым, чем раньше. – Вроде чисто по виду никак же не разберешь, кто «лишний»… Но, может, как-то все-таки можно. Какой-нибудь мелкий признак. Как думаешь?

– Не знаю, – честно ответил я. – Говорят «никак не разберешь», но, может, это означает всего лишь «пока никто не придумал, как».

– Во-во.

– Но это еще не все, – я уткнулся взглядом в Тэсигавару. Его брови были насуплены. – Что если ты его найдешь? – снова этот вопрос я задал наполовину самому себе. – Что ты тогда будешь делать?

Брови Тэсигавары насупились еще сильнее, и он пробормотал:

– Без понятия.

Потом сжал губы, не став развивать тему.

7

Большинство учеников заканчивало ужинать.

– Сэнсэй, можно я скажу кое-что?

С этими словами встала одна из девушек. Это была вторая староста от женской половины класса, Идзуми Акадзава.

– Я хочу кое-что прояснить, раз уж мы все здесь собрались.

Как только я это услышал, у меня возникло плохое предчувствие.

За ее столом сидели еще три девушки. То есть – вместе держались вообще все девушки, участвующие в этой поездке, кроме Мей… что само по себе было поводом для беспокойства.

Конечно, весь класс считал Мей Мисаки странной с самого начала. В рамках «стратегии» по предотвращению «катастроф» она была вынуждена взять на себя роль «той, кого нет» и с мая до начала июня оказалась в полной изоляции. В каком-то смысле, подозреваю, это позволило сохранить в классе баланс нормальных отношений.

То же самое относилось к периоду с начала июня до июля, когда к списку «тех, кого нет», добавился я. Их, конечно, охватило чувство опасности, но, поскольку они исключили из уравнения нас с Мей, чужеродные элементы, равновесие в коллективе сохранилось. Однако…

Когда смерть Кубодеры-сэнсэя показала бесполезность «стратегии» в виде увеличения числа «несуществующих» до двух, все поменялось.

Мей Мисаки, которая больше не «не существовала». Мей, странная девушка, которую больше нельзя было игнорировать. Что о ней думали Акадзава и ее подружки? Что они просто не могли не думать?

Не знаю, стоит ли называть это совпадение счастливым, но все это произошло перед самым началом летних каникул, так что нарушение равновесия не привело к взрыву прямо в классе. Можно сказать, эмоции девчонок оказались в узде.

Но сегодня, когда начался лагерь…

Мей Мисаки, которой полагалось быть в изоляции, преспокойно и без проблем общалась не только со мной – это-то ладно, – но и с другими парнями, Мотидзуки и Тэсигаварой. Да еще и села с нами за один стол во время ужина. Как будто начисто игнорируя остальных девчонок, в первую очередь Акадзаву, хотя все должно было быть ровно наоборот.

Неужели такая ситуация могла не сбить их с толку? Неужели она могла их не растревожить? Это было бы просто смешно.

Во время ужина я замечал взгляды, которые они периодически метали в нашу сторону. И где-то в уголке сознания я воспроизводил разговор тех девчонок: скорей всего, о нас, и скорей всего, не очень приятный.

Миками-сэнсэй среагировала на просьбу Акадзавы как-то вяло, заставив меня заподозрить, что она неважно себя чувствует. Помолчав немного, она наконец ответила:

– …Да, конечно. …Прошу, Акадзава-сан.

Акадзава молча кивнула. Потом, как я и предположил, ее глаза прищурились, она обратила испепеляющий взгляд на наш стол и резко произнесла:

– Мисаки-сан. Я хочу тебе здесь и сейчас кое-что сказать.

Я наблюдал за Мей в профиль. Она была… спокойна.

– Мисаки-сан… и тебе, Сакакибара-кун.

Слова Акадзавы звучали гладко, дикция была идеальна. Она смахивала на энергичного прокурора, выступающего в суде.

– Целый ряд печальных происшествий случился с мая месяца; этот кошмар с Кубодерой-сэнсэем совсем недавно… Не знаю, поможет ли наша поездка вернуть все в норму, но по крайней мере за «катастрофы», уже произошедшие с нашим классом… думаю, ты, Мисаки-сан, несешь частичную ответственность.

Мей – несет ответственность?..

Прежде чем я успел потребовать от Акадзавы объяснений, она добавила:

– Как и ты, Сакакибара-кун.

Кинув взгляд на Миками-сэнсэй, Акадзава жестким тоном продолжила:

– Если бы Мисаки-сан следовала своей роли «той, кого нет», как мы договорились с самого начала, никто бы не умер. Она этого не сделала, потому что Сакакибара-кун с ней говорил. Вот почему мы –

– Эй, тормозни-ка, – перебил ее Тэсигавара. – Тебе не кажется, что это было, не знаю, неизбежно, что ли? В смысле, этому никто не мог помешать?

– Кто знает, – Акадзава уперла руку в бедро и бесстрастно продолжила: – Возможно, мы допустили оплошность, не сообщив заранее Сакакибаре-куну, что происходит. Когда я вспоминаю, что в первый его день в школе я заболела и осталась дома, у меня живот сводит… Но все равно: если бы Мисаки-сан держалась своей роли и отказывалась общаться с ним, если бы она просто не обращала на него внимания, «стратегия» сработала бы. Скажи, что я неправа.

– Я не –

– Даже если я признаю, что с новой «стратегией», когда «не существовать» стали двое, мы ошиблись… Считаю, что изначальная вина лежит на Мисаки-сан. Или я неправа?

На секунду Тэсигавара вроде как-то съежился, но тут же контратаковал:

– И что? Что с того? Чего ты сейчас-то хочешь?

Акадзава заговорщицки посмотрела на девчонок за ее столом, потом пробежалась взглядом по парням за остальными столами.

– Извинений, – заявила она. – До сих пор мы не услышали от Мисаки-сан ни слова извинений. Зато – Мисаки-сан, как только ты перестала «не существовать», ты ведешь себя так, как будто ничего не случилось, как будто…

Ее обжигающий взгляд снова уперся в наш стол. В этом взгляде я чувствовал ярость, и ненависть, и раздражение, а больше всего – жуткое негодование… но.

Как можно настолько не дружить со здравым смыслом… я сам с трудом сдерживал негодование. «Мей же…» – я снова глянул на нее. Однако Мей оставалась такой же спокойной, как раньше, – да нет, она хранила просто ледяное спокойствие.

– Когда умерла Сакураги-сан…

Эти слова ни с того ни с сего произнесла вовсе не Акадзава, а Сугиура – девушка, сидящая рядом с ней. Она постоянно терлась возле Акадзавы и всем своим видом говорила: «Я – надежный помощник».

– Моя парта у окна в коридор, и я видела, что в тот день было. Как она…

…Аа.

Невольно я и сам это припомнил. Тот день – последний день промежуточных экзаменов – когда я, Мей и Сакураги…

– Когда она узнала про аварию с матерью, то тут же выскочила из класса. И сперва побежала к восточной лестнице, как всегда, но там, перед лестницей, стояли вы двое, Мисаки-сан и Сакакибара-кун. И тогда Сакураги-сан побежала в другую сторону, к западной лестнице…

…Да. Здесь Сугиура права.

– Когда она увидела Мисаки-сан вместе с Сакакибарой-куном, хотя Мисаки-сан должна была «не существовать», она наверняка страшно испугалась, что из-за того, что они вместе, талисман не сработал и ее мама попала в аварию… И чтобы держаться от вас двоих подальше, она побежала в другую сторону.

– Если бы вы там не стояли, – подхватила Акадзава, – если бы Сакураги-сан побежала по восточной лестнице, как обычно, того происшествия могло и не случиться. Вот что я имела в виду.

– Ты это не… – вырвалось у меня.

– И сестра Мидзуно-куна, – продолжала давить Акадзава. – После того как это с ней случилось, Мидзуно-кун мне сказал, что его сестра была знакома с тобой, Сакакибара-кун. И что ты говорил ей про нашу ситуацию.

– Ээ, это…

– Возможно, именно потому, что ты с ней об этом говорил, она и стала одной из «жертв июня». Вполне разумная интерпретация, не так ли?

– Э…

…Моя вина.

Это я виноват, что Мидзуно-сан погибла в той аварии.

Когда кто-то так вот вслух мне это сказал, грусть, раскаяние и угрызения совести, хоть и потускневшие немного, с новой силой подняли голову. Да. Возможно, Акадзава права. Я, конечно, тогда ни фига не понимал, что происходит, но все равно – в том, что я полез вперед очертя голову и впутал в это дело Мидзуно-сан, был виноват я и никто другой…

– Это не относится к делу, – вдруг произнесла Мей. Холодным, отстраненным голосом, который я так хорошо успел узнать. – Сколько бы ты ни говорила на эту тему, проблему так не решить.

– Сейчас речь идет не о «решениях», – жестко отрубила Акадзава. – Мы хотим сказать тебе, Мисаки-сан, что ты должна принять свою ответственность и извиниться перед всеми.

– Если я извинюсь, это будет что-то значить? – Мей медленно встала из-за стола, так же пристально глядя на свою обвинительницу, как та на нее. – Если да, то я это сделаю.

– Мисаки… – попытался остановить ее я. – Нет… нельзя извиняться за такое…

Если уж кому и извиняться, то мне. Если бы я весной не перевелся в Северный Ёми, ничего из этого бы…

Однако Мей на меня даже не взглянула. Не дожидаясь ответа Акадзавы на свой вопрос…

– Извините, – будничным тоном произнесла она и медленно опустила голову. – Извините. Это я виновата…

– Нет! – вырвалось у меня.

И практически одновременно –

– Прекратите! – это Мотидзуки.

– Что за маразм, – это Тэсигавара. Он еще и сердито долбанул кулаками по столу. – Заставлять ее так делать – ваще бессмысленно. Сейчас только одно важно – найти «лишнего»!

Стойте-ка.

Тэсигавара – придержи коней. Я понимаю твои чувства, но если ты расскажешь все именно сейчас …

…И тут.

Злую атмосферу разогнала суматоха, поднявшаяся за другим столом.

8

– Эй, Вакуй – ты как? Что за…

Наше внимание привлек чей-то выкрик.

Стол, соседний с нашим; одним из четверых там был Томохико Кадзами. Голос принадлежал кендоисту Маэдзиме, сидевшему напротив Кадзами. Вакуй, к которому он обращался, сидел слева от него, и с ним явно было что-то не так. Отодвинув стул, он перегнулся пополам и прижался лбом к краю стола. Его плечи поднимались и опускались; ему явно было плохо.

– Эй, Вакуй! – снова позвал Мэдзима, похлопывая его по спине. – Ты как? Дышать можешь? Давай же, дыши.

Секундой позже к ним подбежал Тибики-сан. Едва глянув на Вакуя, он прошептал: «Астма?» – затем обернулся к подбежавшей следом Миками-сэнсэй.

– Этот ученик болен астмой?

Однако Миками-сэнсэй лишь дрожала, не в силах ответить; за нее это сделал Кадзами.

– Да. У Вакуя-куна астма. Его лекарство всегда…

Кадзами показал на правую руку Вакуя, распростертую на столе. Пальцы сжимали портативный ингалятор.

– Лекарство… ты можешь его принять? – обратился Тибики-сан к Вакую, но плечи того вздымались и опускались все тяжелее. Он явно был не в том состоянии, чтобы отвечать на вопросы. Его странное, натужное «хюууу, хюууу» было слышно даже за нашим столом. Вакуй сипел – нет, почти даже свистел.

В классе он сидел прямо передо мной, но впервые я видел у него приступ. Поскольку у меня дважды за последний год рвалось легкое, я вполне мог посочувствовать его проблемам с дыханием. Пневмоторакс и астма – разные болезни, но, глядя на Вакуя, я ощутил, как мне самому становится трудней дышать…

Тибики-сан взял ингалятор и нажал на него, чтобы впрыснуть лекарство. Приборчик лишь тихо пшикнул.

– Аа… кончилось… – он придвинул лицо к самому уху Вакуя и спросил: – Ты взял с собой запасной?

Продолжая дышать с огромным трудом, Вакуй все же сумел еле-еле двинуть головой справа налево. Значение было понятно без слов: «Нет».

– Вызовите «скорую»! – громко приказал Тибики-сан, выпрямившись. У меня мелькнуло воспоминание, как он ворвался в класс сразу после самоубийства Кубодеры-сэнсэя. – Миками-сэнсэй, пожалуйста. Вызовите «скорую» немедленно!

9

Всего несколько секунд спустя выяснилось, что телефон в доме не работает. Эту новость сообщила нам хозяйка, которая, едва услышав в зале переполох, прибежала с кухни. Она сказала, что линия барахлила со вчерашнего вечера, а сегодня днем перестала работать совсем.

– Мы не можем звонить, поэтому не можем вызвать ремонтников, чтобы нам его починили. Ну надо же, именно сейчас…

Она не успела договорить, а Тибики-сан, покопавшись в кармане куртки, уже вытаскивал свой мобильник.

– Плохо, – тут же прошептал он тусклым, мертвым голосом. – Сигнал…

– Нет связи? – спросил я, подходя ближе.

– Да.

– Мой мобильник раньше работал.

– Тогда по нему позвоним. Быстрее, – приказал Тибики-сан. – У разных компаний может быть по-разному.

– Он у меня в комнате.

– Так беги за ним!

И тут –

– У меня есть сотовый.

– И у меня.

Сразу двое предложили свои телефоны. Тэсигавара и Мотидзуки. Мей молчала. Думаю, она оставила свой мобильник в комнате, как и я.

– Ясно, – сказал Тибики-сан. – Тогда, пожалуйста, вызовите «скорую», один-один-девять.

Но в итоге –

– Странно. Одна полоска есть, а все равно не проходит.

– И у меня… Не получается, сэнсэй.

Мобильник Тэсигавары и PHS Мотидзуки оказались бесполезны.

Вообще-то, когда Мей мне звонила, помехи были такие, что голос с трудом различался. Сдается мне, в горах качество сигнала в принципе поганое. Так что…

У других учеников нашелся еще один сотовый и один PHS. Но они тоже не пробились.

Все это время у Вакуя продолжался приступ. Он уже не мог сидеть на стуле и опустился на пол, на колени. Маэдзима отчаянно тер ему спину, тяжело поднимающуюся и опадающую с каждым вздохом.

– Плохо. Я пока не вижу цианоза, но мы не можем просто стоять и смотреть, – губы Тибики-сана сжались в узкую линию. – Я отвезу его в больницу на своей машине, – он перевел взгляд на Миками-сэнсэй, бледную, стоящую неподвижно. – Хорошо, сэнсэй?

– Э… да. Я поеду с вами.

– Вам нельзя. Оставайтесь здесь, с остальными учениками.

– А… да. Вы правы.

– С его родителями я свяжусь из больницы. И вернусь, как только его состояние стабилизируется. …О, Нумата-сан, – обратился он к хозяйке. – Можно вас попросить принести несколько одеял? Необходимо не дать ему замерзнуть.

– Сию секунду, – кивнула женщина и засеменила прочь.

Ученики, собравшиеся вокруг стола, ученики, глядящие с почтительного расстояния… у всех на лицах были написаны страх и тревога. Кто-то из девчонок даже тихонько шмыгал носом.

– Все будет в порядке, – обратился Тибики-сан ко всем нам. – Незачем волноваться. Если мы прямо сейчас поедем в больницу, с ним все будет хорошо, ничего страшного не произойдет. Обещаю вам, все будет хорошо, не нужно себя накручивать. Понятно? У него приступ, но он к таким приступам уже привык, это не есть что-то экстраординарное. Это не какое-то из ряда вон выходящее происшествие. Поэтому совершенно незачем поддаваться страху и беспокойству. Успокойтесь и делайте все, что вам скажет Миками-сэнсэй. Я прошу вас всех сегодня лечь спать пораньше. Понятно?

Выражение лица его оставалось таким же твердым, как раньше, голос звучал просто до невозможности спокойно. Больше половины учеников послушно закивали, я в том числе, но…

Он лжет.

Так прошептало мне мое сердце.

Разумеется, то, что сейчас сказал Тибики-сан, было ложью. Если слово «ложь» чересчур суровое, ну, тогда – это была отчаянная попытка хоть чуть-чуть пригасить общую тревогу.

Многие другие «катастрофы» с нашим классом тоже не были «из ряда вон выходящими происшествиями». Скажем, Икуо Такабаяси, одна из «жертв июня» – у него ведь всегда было слабое сердце, так? И умер он от сердечного приступа.

Конечно, нельзя исключить, что Вакуй мог чисто случайно забыть проверить перед самой поездкой, сколько у него осталось лекарства, несмотря на то, что это лекарство он принимал каждый день; однако счесть такую ситуацию нормальной было трудно. Вдобавок к напряжению и тревоге, которые давили на нас всех, его стресс усилился из-за того, что он чисто случайно оказался свидетелем нашей перебранки… В результате у него начался приступ. Когда мы попытались вызвать «скорую», оказалось, что чисто случайно именно сегодня телефоны весь день не работали. И вдобавок ко всему мобильники не могли пробиться из-за слабого сигнала.

Такое громадное количество совпавших случайностей и невезений являлось прекрасным примером направленного риска, присущего классам 3-3 в «такие» годы. Как же можно было думать иначе? Выражаясь словами Мей, наш класс «близок к «смерти»»…

Наконец хозяйка принесла одеяла и закутала в них Вакуя, потом мы с Тэсигаварой помогли перенести его к дверям гостиницы. Машина Тибики-сана была припаркована на подъездной аллее недалеко от входа. Это был заляпанный грязью серебристый седан. Модель я не разобрал, но был уверен, что это что-то довольно старое.

Было уже почти девять вечера.

Дождь моросил так же слабо, но ветер все усиливался. Я даже убедил себя, что в свисте ветра, раскачивающего ветви деревьев, слышу пронзительный вой какого-то странного создания…

Когда Вакуя положили на заднее сиденье, я подбежал к Тибики-сану, который уже садился за руль.

– Эмм, Тибики-сан, вообще-то я хочу кое-что –

Кассета, записанная Кацуми Мацунагой, – я хотел рассказать о ней, пусть даже самое основное, без деталей; однако на это просто не было времени.

– Все будет хорошо. Обещаю, я помогу Вакую-куну, – произнес Тибики-сан, как будто пытаясь убедить самого себя.

– Это… будьте осторожны.

– Конечно. И ты тоже береги себя. Помни, у тебя мина в легких.

– …Хорошо.

– Ладно, мы поехали. Я вернусь при первой же возможности.

Тибики-сан небрежно взмахнул рукой и захлопнул дверь.

Я вдруг осознал, что рядом со мной стоит Миками-сэнсэй, – я и не заметил, как она подошла, – и решился спросить:

– Как вы себя чувствуете?

Она повернула ко мне свое пепельно-серое лицо и кивнула.

– Нормально. Не беспокойся обо мне… ладно?

Пробежавшись рукой по мокрым от дождя волосам, она надела на лицо безжизненную улыбку.

– Ээ… может, отменим завтрашний поход на гору?

– Посмотрим, – хрипло ответила она. И даже то подобие улыбки, которое было, исчезло с ее лица.

10

Мы проводили взглядом машину Тибики-сана и пошли обратно в гостиницу, когда…

– Сакакибара-кун, постой, – остановила меня Мей. – Спасибо тебе.

– Э?.. – вырвалось у меня.

– Когда они в столовой говорили обо мне всякое…

– А, да не стОит…

Мы стояли на крыльце перед входом в гостиницу. Нас обдувало дождливым ветром. Светил лишь тусклый фонарь. Причем светил точно в спину Мей, так что я даже не мог разобрать ее выражение лица.

– Это же не только я. Мотидзуки и Тэсигавара тоже…

– Спасибо, – повторила она почти шепотом и шагнула ближе. – Зайдешь ко мне попозже?

Снова у меня вырвалось только «э?..».

– Я живу одна.

В поездке участвовало пять девушек. Когда они заселились по две в комнату, одна оказалась лишней. И, разумеется, это была Мей.

– Комната двести двадцать три. В противоположном конце коридора от твоей.

– …Думаешь, мне стоит?

– Я тебе говорила, что хочу кое-что еще рассказать, но позже, помнишь? Я хочу сдержать слово.

– …Понятно.

– И еще…

В этот момент через плечо Мей я увидел Тэсигавару. Он стоял за дверью сбоку и пялился на нас, и на лице у него было написано: «Ну-ну».

Я смутился и, прежде чем Мей успела сказать что-то еще, оборвал ее:

– Хорошо, хорошо. Я все понял.

– Часов в десять, идет?

– Хорошо. Я приду.

– Договорились.

Мей изящно развернулась и вошла в дом. Я подождал несколько секунд и последовал за ней. Как и ожидалось, Тэсигавара набросился на меня, едва я оказался внутри.

– Йоу, – и он хлопнул меня по спине. – Зачет, Сакаки. Я слышал, как вы планировали вашу маленькую свиданку.

– Эй, стой, что еще за «свиданка»? Все совсем по-другому.

– Да не очкуй! Я никому не расскажу.

– Заткнись уже. Нечего тут выдумывать. Нам с ней надо кое-что серьезное обсудить, ясно?

– Кое-что серьезное о вашем совместном будущем?

Бесконечные подкалывания Тэсигавары начали меня уже доставать, и я огрызнулся:

– Слушай, кончай меня злить.

Он поднял руки с веселым «боюсь, боюсь». Но…

В какой-то момент я обнаружил, что, несмотря на его тон и поведение, в глазах у Тэсигавары не было ни намека на улыбку.

http://tl.rulate.ru/book/89941/2883819